

УДК 24(091)

Политико-правовые и методологические аспекты курса «Политика и религия». Часть 3

И. А. Арзуманов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В третьей части статьи продолжается анализ методологических аспектов курса «Политика и религия». Рассматриваются его базовые положения, связанные с процессами либерализации принципов вероисповедной политики России XIX – нач. XX в.

Ключевые слова: политика, религия, политическая система, государство, государственное регулирование, идеологическая функция, ламаизм, православие, политические отношения, вероисповедная политика.

Анализ социополитической действительности и реализации принципов вероисповедной политики России в XVIII–XIX вв. показывает неизбежность либеральных реформ в сфере религиозного законодательства к началу XX в. Общий методологический ракурс анализа выстраивается относительно характеристик переходного периода, которым являлся период конца XIX – нач. XX в. Практическая составляющая вопроса государственного регулирования этноконфессиональной сферы Восточной Сибири и ее специфика (применительно к доминантным институциям и проявлениям) основывается на анализе собственно системы государственного управления – его структуры, уровней и функций прежде всего [3, с. 106–115]. В данном ракурсе бесполезно будет иметь в виду методологические параметры системного анализа, подразумевающие рассмотрение проблематики с точки зрения понимания государственного управления как общесоциальной подсистемы. С данных позиций проблемы государственного управления общественных отношений в целом и этноконфессиональных в частности необходимо рассматривать в контексте архетипических характеристик правовой, политической культуры и формы государства (формы правления, формы государственного устройства и политического режима). Безусловно, анализ должен проводиться при четком определении методологических подходов к типологизации государства.

И в дальнейшем данный макрометодологический ракурс необходимо «не терять» из виду. В данном случае опорными будут являться как формационный, так и культур-цивилизационный ракурсы. Сопряжение этих двух подходов типологизации государства находит свое проявление в контексте идеологического дискурса проблематики и ее проекции в функциональной динамике общегосударственной интеграции и административно-территориальной уни-

фикации [4, с. 244–251]. И, как следствие, в дальнейшем методологически необходимым является рассмотрение специфики государственного управления в религиозной сфере с точки зрения институционального подхода. Данный же подход дает возможность четко определиться с ролью тех или иных институтов государства, со структурными элементами государственного механизма и аппарата управления, их ролью, функциями и взаимодействием с институтами религиозного пространства.

В рамках курса студентам предлагается провести анализ сущности реформ религиозного законодательства рубежа XIX–XX вв. с учетом структуры понятий «государственное управление» и «государственное регулирование» общественных отношений. Данные понятия связаны с определением сущности государства, отражающим «широкий» (общесоциальный) и «узкий» смысл понятия государственного управления. Понятие государственного управления, в свою очередь, выражается в воздействии на жизнь общества с целью ее упорядочивания, сохранения или преобразования. Понимание государственного управления в узком смысле сводится к деятельности преимущественно исполнительных органов и в этой связи коррелирует с понятием государственного регулирования (в контексте его государственно-правовой страты), являющегося структурной частью государственного управления.

Таким образом, теоретико-правовой и политологический ракурс данных понятий выводит на позиции, связанные, во-первых, с вопросами государственного регулирования, включающего в себя позитивно-правовое регулирование общественных отношений и проблемы правотворчества, во-вторых, с вопросами государственного управления, в том числе правоприменительной практики в этноконфессиональной сфере. Последнее актуализируется своей взаимосвязью с идеологической функцией государства и формами ее реализации. Предлагаемый спектр методологических подходов уместен, прежде всего, в свете соотношения рассматриваемого периода с ситуацией, переживаемой Россией на современном этапе государственных реформ. «Рубежность», переходный характер политико-правовых трансформаций российской государственности XIX–XX и XX–XXI вв. сопряжены с деструкцией ряда государственных функций. К основным из них необходимо отнести интеграционную и идеологическую функции. Ключевым в данном случае будет понятие идеологической функции государства, поскольку в условиях глобальных трансформаций (характерных для переходных периодов) она объективно является основным типологическим маркером аксиологической природы происходящих в политической системе процессов.

Вопросы регуляции этноконфессиональной сферы общественных отношений в Российской империи решались в непосредственной взаимосвязи с национальной политикой [4]. Социально-политическая стратификация национального пространства империи осуществлялась, в том числе, и на основании религиозно-конфессиональной принадлежности. В рамках правового режима веротерпимости (сложившегося в течение XVIII в. и закрепленного в Своде законов Российской империи (СЗРИ)), этноконфессиональные инсти-

туты являлись основным инструментом идеолого-интеграционной функции государства, реализуемой в сфере национальной политики. Институционально-идеологической основой процессов государственного регулирования в данном случае являлась Российская православная церковь (на сегодня Русская православная церковь). В региональной проекции Восточной Сибири рубежа XIX – нач. XX в. данная проблематика достаточно четко выявляется при рассмотрении процесса правотворчества в сфере религиозного законодательства, регулирующего вопросы бытования конфессиональных доминант. В принципе, методологическое начало реформ в вероисповедной политике имперской России в Восточной Сибири ознаменовалось сибирскими административными реформами М. М. Сперанского 1822 г. Следствием реформ явились усиление контрольных функций центральных органов управления над местной администрацией, расширение полномочий административных органов, включение в процессы управления краем местных органов самоуправления (с учетом местных обычаев и традиций). Реформы управленческого характера отчасти были детерминированы процессами включения автохтонных народов в общероссийский рынок. Вхождение, например, бурят в систему буржуазных отношений товарно-денежного порядка привело к замене натурального ясака денежным, что, безусловно, способствовало интеграции автохтонных хозяйств в региональный и общероссийский рынок и также требовало перестройки системы управления [5, с. 10–14; 6, с. 34–37; 12, с. 11].

Реформа управления Сибирским регионом ознаменовалась принятием ряда законодательных актов (1822 г.), основными из которых были: «Учреждение для управления Сибирских губерний», «Устав об управлении инородцев» и др. В рамках принятого нормативно-правового корпуса сибирские генерал-губернаторы обладали достаточно широкими полномочиями, касающимися всех сторон региональной жизни, в том числе и практики вероисповедной политики.

Если давать общую характеристику структуры государственного управления и государственного регулирования функционирования конфессиональных страт, то в первую очередь необходимо отметить, что оно осуществлялось Департаментом духовных дел иностранных вероисповеданий (1832–1917 гг.) Министерства внутренних дел.

В 11-м томе Свода Законов Российской империи (издания 1857 г.) в «Уставах духовных дел иностранных исповеданий» среди общего перечня основных религиозно-конфессиональных институтов – римо-католических [14], протестантских [14, ст. 134–904], армяно-грегорианских [14, ст. 905–1059], талмудистов [16, ст. 1060–1997] и караимов [16, ст. 1060–1139], исламских [16] – обозначены ламаистское (буддийское) исповедание [21] калмыков и бурят [21, ст. 1285–1286], а также язычников (шаманистов) [21, ст. 1287–1291].

Специфика Восточно-Сибирского региона состояла в том, что ламаистские институты с 1841 г. находились в непосредственном ведении как Министерства внутренних дел, так и имперских структур на местах. До 1841 г. «дела сибирских ламаистов» находились в непосредственном ведении Мини-

стерства иностранных дел. При этом, как отмечал князь Э. Э. Ухтомский, «Сибирь вообще сперва зависела от посольского приказа больше, чем от областного ради “береженья” от Китая. При этом, вопросы дипломатического характера, понятно, заслоняли собою административные» [1, с. 46–57; 10].

Губернская администрация имела непосредственные отношения с имперскими структурами МВД по делам ламаистов, прежде всего выходящих за сферу компетенции генерал-губернатора [7, с. 165–170; 10, с. 270–280; 9, с. 256–263]. Небезынтересным будет в этой связи анализ норм СЗРИ (опять же одной из редакций второй половины XIX в.), в частности касающихся положений о губернском управлении и его структуре.

Дело в том, что в связи с геополитической слабостью России в Восточной Сибири (до введения в эксплуатацию Транссиба), обусловленной, прежде всего, отсутствием военно-транспортных коммуникаций и оторванностью в этой связи от центра, имперская администрация в Забайкалье опиралась в процессах управления на родоплеменные структуры, ставшие (вплоть до начала волостной реформы 1904–1905 гг.) в структуре управления базовыми территориально-административными ячейками.

Религиозная политика имперской администрации в Восточной Сибири конца XIX – нач. XX в. проходила в условиях начавшихся процессов общей модернизации страны и унификации административно-территориального деления, а также обусловленных ими трансформаций принципов государственно-конфессиональных отношений. В течение XVIII–XIX вв. их реализация обеспечивалась рядом основных нормативно-правовых актов. В условиях обостряющегося социально-политического кризиса императором Николаем II в начале XX в. производились попытки реформирования религиозного законодательства, вопрос о смене которого жестко увязывался с проблемами национальной политики (прежде всего в ее институционально-государственной проекции). Системный характер вставших проблем государственного управления и регулирования этноконфессиональной сферы предопределялся также сменой онтологических основ правотворчества – внедрением институтов личных прав человека и развернувшимися в этой связи дискуссиями по вопросам свободы совести и вероисповедания. Достаточно определенными были и формы унификации религиозных основ идеологического поля за счет императивных методов христианизации, ставших одними из основных (после политико-правовых) форм реализации интеграционной функции государства. Это с одной стороны. С другой, уже со времени (и в особенности) эпохи Екатерины II формируется достаточно прагматичный взгляд на природу государственно-конфессиональных отношений, в основе которого лежал принцип «политической русификации», выражающийся в тотальности принципа политической лояльности (прежде всего конфессионального истэблшмента). Сопряжение камеральной природы механизмов государственного управления и либеральной природы реформ в сфере религиозных отношений дало на выходе уникальную имперскую систему правового режима веротерпимости. Динамика его становления отражена в нормативно-правовом поле. В доска-

терининскую эпоху (в рамках государственно-этакетических принципов камерализма) в этноконфессиональной сфере преобладали императивные методы управления и государственно-правового регулирования. Начиная с эпохи Екатерины II принципы камерализма в контексте практики вероисповедной политики верифицируются с позиций утилитарного прагматизма. Императивы идеологической унификации в рамках тотальной христианизации иноверных этноконфессиональных страт (в том числе, например, и ислама) сменяются практико-утилитарными признаками политической лояльности и включением инославных и иноверных институтов в общий имперско-иерархический строй. С начала XVIII в. данные процессы коснулись и ламаизма, чьи институты к этому периоду были уже достаточно укоренены в Восточно-Сибирском регионе [2, с. 221–225].

Таким образом, в России в рамках имперской камеральности государственного управления и идей западноевропейского просвещения (в свете, прежде всего, протестантских моделей государственного управления) сложилась система конфессиональных институтов, выполняющих функции интеграционно-идеологического порядка. Именно в данный период Российская империя отходит от принципа моноконфессионального обустройства идеологического поля. Н. С. Суворов в свое время охарактеризовал данный методологический прецедент государственного управления религиозной сферы общественных отношений, сформировавшегося в германских государствах Западной Европы в рамках камеральных принципов управления. Он, в частности, пишет, что в сообществах, где фактически господствует синкретизм естественно-правовых и протестантских представлений о должном в государственном устройстве, «...допускается существование религиозных обществ, причем не делается различия между церковью и всякими другими религиозными обществами, но делается различие между самими религиозными обществами: одни признаются за корпорации с юридической личностью и в таком случае рассматриваются как часть государственного устройства, другие не признаются корпорациями и в таком случае не имеют никакого публичного значения, оставаясь частными ферейнами» [20, с. 437].

Региональный ракурс трансформации принципов вероисповедной политики как одной из функций государственного регулирования религиозной сферы прежде всего касался изменений Положения о ламайском духовенстве в Восточной Сибири 1853 г. В ноябре 1909 г. иркутским генерал-губернатором А. Н. Селивановым было созвано совещание по обсуждению составленного в Министерстве внутренних дел нового проекта Положения об управлении делами вероисповедания буддистов-ламаистов. Инициатива генерал-губернатора определялась целым рядом норм, закрепленных в 1-й части 2-го тома СЗРИ. «Учреждение сибирское» регламентирует его компетенцию в разделе первом. Согласно ст. 7 данного раздела, Управление иркутского генерал-губернаторства состояло из четырех структур – главного управления, губернского управления, окружного и городского, а также управления волостного и инородного. В последнее входили племена «не русского происхож-

дения и притом не оседлые» [19]. Члены совещания представляли различные уровни административно-исполнительной власти (иркутский генерал-губернатор, генерал от инфантерии (председатель Совещания) А. Н. Селиванов; помощник командующего войсками Иркутского военного округа генерал-лейтенант А. В. Брилевич; генерал-лейтенант, начальник штаба Иркутского военного округа Ф. Х. Вендт; генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Иркутского военного округа; А. Д. Кузьмин-Караваев; генерал-майор, военный губернатор Забайкальской области В. И. Марков; тайный советник, член совета министра народного просвещения; причисленный к министерству внутренних дел начальник отделения Департамента духовных дел иностранных исповеданий И. М. Платонников; управляющий канцелярией Иркутского генерал-губернатора Н. П. Шипин; вице-губернатор Иркутской губернии, статский советник А. Н. Юган; крестьянский начальник 4-го участка Иркутской губернии И. П. Василенко; от научной общественности – А. М. Позднеев, от религиозных структур – Бандидо-Хамбо-Лама Чойнзин Ирелтуевич Ирелтуев; представители РПЦ. Данный проект был составлен на основании решений общего съезда бурят, состоявшегося в Чите в 1905 г., отзыва Бандидо-Хамбо-Ламы и результатов работы особого вневедомственного совещания, учрежденного Комитетом министров.

Вопросы, поднимаемые участниками совещания буддистами, касались различных сторон культо-обрядовой и организационной жизни ламаистских общин, в свое время отраженных и тщательно регламентированных Положением 1853 г. В частности, были вопросы, касающиеся штатов ламайского духовенства, структуры подчинения бурят-ламаистов в Восточно-Сибирском регионе (на момент совещания Иркутской губернии и Забайкальской области), вопросы образовательного ценза, строительства дацанов, льгот и привилегий ламаистского духовенства и др. [13].

Вопрос об именовании «исповедания буддийским вместо ламаистского» встал на совещании в контексте общего пересмотра Положения 1853 г. в целях его улучшения. Предыстория рассмотрения вопроса о наименовании связана с процессами общей модернизации религиозного законодательства, деятельностью Комитета Министров и учрежденного им вневедомственного совещания, возглавляемого генерал-адъютантом графом Игнатьевым, признавшим необходимость пересмотра положения ламаистов, вплоть до 1905 г. определяемых российским законодательством в качестве язычников. Вопрос о перемене наименования связывался с тем, что, несмотря на наличие грубых идолопоклоннических форм, в основных положениях ламаистский культ «полон высоких моральных доктрин и заслуживает переоценки на началах справедливого к нему отношения» [13, л. 2 об.]. Соответствующее решение было закреплено высочайше утвержденным положением Комитета министров от 17 апреля 1905 г. в рамках общих наработок правительства по укреплению начал веротерпимости в Российской империи.

В 3-м параграфе проекта нового Положения, рассматриваемого на совещании при иркутском генерал-губернаторе, вопрос о названии вероисповеда-

ния встал вкупе с вопросом о титуляции Хамбо-Ламы и принадлежности к ламаистскому вероисповеданию всего бурятского народа: «Высшую степень в иерархии буддийско-ламайского исповедания составляют в России два Первенствующих Ламы бурятского и калмыцкого народов».

Термин «буддийско-ламайское исповедание» вызвал неоднозначную реакцию и желание представителей ламаистского духовенства ограничиться только первой частью данного понятия – «буддийское», оставив за рамками нормативного закрепления термин «ламайское». Но, как пояснил начальник отделения Департамента духовных дел иностранных исповеданий И. М. Платонников, появление данного термина в такой редакции 3-го параграфа обусловлено тем, что совещание под руководством графа Игнатьева констатировало, «что ламаизм не есть чистый буддизм, а лишь отражение его и появился, сравнительно с буддизмом, недавно; почему и решено было исповедание это назвать “буддийско-ламайским”» [13, л. 8]. Компромисность данной формулировки названия вероисповедания достаточно любопытна. Она свидетельствует о глубокой научной проработке вопроса технико-юридического порядка, поскольку включает в себе попытку отразить реалии общественных отношений, связанных с природой и сущностью культово-обрядовой практики северной ветви буддизма – ламаизма [11].

Продолжение следует.

Список литературы

1. Арзуманов И. А. Религиозная культура Байкальского региона: историко-религиоведческий анализ нормативно-правовой стратификации буддизма / И. А. Арзуманов // Науч. вестн. Белгород. гос. ун-та. – Белгород, 2009. – № 2 (57). – С. 46–57.
2. Арзуманов И. А. Ламаизм: к вопросу о практике вероисповедной политики России имперского периода в Байкальском регионе (по материалам НАРБ) / И. А. Арзуманов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2011. – № 2 (7). – С. 221–225.
3. Арзуманов И. А. Модернизационные аспекты вероисповедной политики стран Северо-восточной Азии XX–XXI в. Часть 1 / И. А. Арзуманов, А. В. Юрковский // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2012. – № 2 (9), ч. 1. – С. 106–115.
4. Арзуманов И. А. Культур-конфессиональный фактор в процессах консолидации социополитического пространства Байкальской Сибири / И. А. Арзуманов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2009. – № 1 (3). – С. 244–251.
5. Ганусенко И. В. Проблемы правового регулирования налогообложения предпринимательской деятельности в России в XIX в. / И. В. Ганусенко // Сиб. юрид. вестн. – 1995. – № 4. – С. 10–14.
6. Ганусенко И. В. Теория принципов налогообложения предпринимательской деятельности в дореволюционном отечественном праве / И. В. Ганусенко // Налоги. – 2009. – № 4. – С. 34–37.
7. Зуляр Ю. А. Деятельность Н. Н. Муравьева-Амурского в Сибири и на Дальнем Востоке (к 200-летию со дня рождения) / Ю. А. Зуляр, В. А. Снытко // География и природные ресурсы. – 2010. – № 1. – С. 165–170.

8. *Казарин В. Н.* Н. Н. Муравьев-Амурский в материалах Всероссийской конференции «Сибирское общество в контексте мировой и российской истории (XIX–XX в.) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – Иркутск, 2011. – № 1 (6). – С. 270–280.

9. *Казарин В. Н.* Политологические аспекты в «Третьих университетских социально-гуманитарных чтениях 2009 года» / В. Н. Казарин // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – Иркутск, 2010. – № 1 (4). – С. 256–263.

10. Князь Э. Э. Ухтомский. Очерк развития ламаизма на восточносибирской окраине и наиболее целесообразное средство для борьбы с ним [Электронный ресурс]. – URL. : <http://imbtarchive.ru/index.php?topic=10&id=61&meta=527> (дата обращения: 12.12. 2013).

11. Ламаизм в Бурятии XVIII – начале XX в. Структура и социальная роль культовой системы / Г. Р. Галданова [и др.]. – Новосибирск : Наука, 1983. – 233 с.

12. Материалы по истории бурят-монголов. Летописи баргузинских бурят. – М.; Л., 1935. – С. 11.

13. Протокол заседания по вопросу об изменении Положения по управлению вероисповедными делами бурят-ламаитов, состоявшегося в Иркутске 25 сентября 1909 г. [Электронный ресурс]. – URL. : <http://imbtarchive.ru/index.php?id=71&topic=10> (дата обращения: 12.12. 2013).

14. Свод Учреждений и Уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных // Свод Законов Российской Империи. – СПб., 1857. – Т. 11, кн. 1 : Уставы духовных дел иностранных исповеданий. – Ст. 11–133.

15. Свод Учреждений и Уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных // Свод Законов Российской Империи. – СПб., 1857. – Т. 11, кн. 3 : Уставы духовных дел иностранных исповеданий. – Ст. 905–1059.

16. Свод Учреждений и Уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных // Свод Законов Российской Империи. – СПб., 1857. – Т. 11, кн. 4 : О управлении духовных дел евреев. Ст. 1060 – 1097.

17. Свод Учреждений и Уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных // Свод Законов Российской Империи. – СПб., 1857. – Т. 11, кн. 5 : О управлении духовных дел магометан. Ст. 1140–1258.

18. Свод Учреждений и Уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных // Свод Законов Российской Империи. – СПб., 1857. – Кн. 2 : О управлении духовных дел христиан протестантского исповедания. – Ст. 134–904.

19. Свод Учреждений и Уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных // Свод Законов Российской Империи. – СПб., 1899. – Т. 2, кн. 1 : Учреждение Сибирское. – Ст. 7.

20. Суворов, Н. С. Учебник церковного права / Н. С. Суворов ; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2004. – 478 с.

21. Уставы духовных дел иностранных исповеданий // Свод Законов Российской Империи. – СПб., 1857. – Т. 11, кн. 6 : Об управлении духовных дел ламаитов и язычников. – Ст. 1260–1284.

Political, Legal and Methodological Aspects of the Course «Politics and Religion». Part 3

I. A. Arzumanov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The third part of the paper continues to analyze methodological aspects of the course «Politics and Religion». The present article examines the basic concepts of the course, concerning the processes of liberalization of the confessional policy principles in Russia in the 19th – early 20th century.

Keywords: politics, religion, political system, state, state regulation, ideological function Lamaism, Orthodoxy, political relations, confessional policy.

Арзуманов Игорь Ашотович

*кандидат философских наук, доктор
культурологии, кафедра теории
и истории государства и права,
Юридический институт*

Иркутский государственный университет

664082, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10–220

тел.: 8(3952)334372

e-mail: arzumanov@mail.ru

Arzumanov Igor Ashotovich

*Candidate of Sciences (Philosophy),
Doctor of Sciences (Culturology), Depart-
ment of Theory and History State and Law,
Law Institute*

Irkutsk State University

664082, Irkutsk, Ulan-Batorskaya st., 10–220

tel.: 8(3952)334372

e-mail: arzumanov@mail.ru